

БВ

Художник
книги

Шрифт становится портретом, а портрет — шрифтом

Статья посвящена художнику-графику, ученику школы В.А. Фаворского Г.В. Бабичу. Подробно рассматривается его альбом гравюр «Десять книжных знаков, вырезанных на самшите».

Ключевые слова: альбом графики, книжный знак, самшит, рисунок, В.А. Фаворский, шрифт, ксилография, Л.Н. Толстой, декоративные элементы, поэтичность, монументальность звучания, творческая удача.

Творческая судьба выпускника Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова (МГУП) Г.В. Бабича начала складываться весьма удачно уже на студенческой скамье. Он не только был приглашен на работу в детское издательство «Самокат», но и стал работать у себя в Университете в лаборатории «Эстамп».

Уже на третьем курсе МГУП студент Григорий Бабич стал лауреатом межвузовского конкурса работ по экслибрису «Первые шаги». Побеждал он и на последующих подобных конкурсах, а также на Международных конгрессах искусства экслибриса.

На последних курсах Университета Григорий Бабич начал оформлять и иллюстрировать книги и делать художественную верстку альманахов и журналов. Перед началом подготовки дипломной работы он выпустил «Альбом гравюр». В него вошли десять книжных знаков, вырезанных на самшите.

Свой путь в искусстве графики Григорий Бабич начинал в технике литографии. Но по-настоящему ярко его дарование стало проявляться, когда он начал осваивать старинную технику гравюры на дереве. Вероятно, это произошло под влиянием его педагога, доцента МГУП, известного художника Владимира Васильевича Кортювича, большого мастера искусства ксилографии.

За годы учебы в МГУП Григорий Бабич успел проявить себя как автор нескольких интересных публикаций. Серьезность и основательность творческих устремлений видна и в его первых работах как художника книги. Так, он выгравировал самобытный цикл иллюстраций к рассказам А.П. Чехова, а темой дипломной работы избрал известное произведение А.В. Чаянова «Юлия, или Прогулки под Новодевичьим». Григорий Бабич не только создает в технике торцовой ксилографии иллюстрации к этому произведению, но и делает макет самой книги.

По духу, по образованию и мировоззрению Григорий Бабич принадлежит к великой московской школе искусства графики, основоположником которой стал профессор В.А. Фаворский. Как известно, у Фаворского учился выдающийся художник А.Д. Гончаров,

Виталий Маркович Бакуменко,
журналист,
ветеран Государственного
академического
Большого театра России,
вице-президент Российской
ассоциации экслибриса
Международного союза
книголюбов

у него учился В.В. Кортович, а Григорий Бабич является учеником последнего. Вот она, прямая преемственность, следование великим традициям прошлого века. Григорий Бабич часто упоминает о том, как плодотворно влияют на него работы великого художника и как поучительно все, что делал в изобразительном искусстве В.А. Фаворский, 125-летие которого отмечается в этом году.

Приведем одно из высказываний Григория Бабича о Фаворском:

«Самое важное из того, что можно почерпнуть в творчестве Фаворского, мне представляется — его объективность. Я попытаюсь сформулировать, что это значит.

Сейчас книга переходит из области насущной потребности в категорию дорогого подарка. И в иллюстрированной книге на передний план выступает “Я” художника. Ты купишь эту книгу, потому что ее иллюстрировал “Я”. Потому что тебе интересна “Моя” субъективная оценка. Этому способствует распространенная мысль, что творчество — это самовыражение. Нет большего заблуждения в творчестве.

И пускай таким образом иногда создаются замечательные книги, мне этот путь представляется тупиковым. Когда “Я” художника одинаково подчиняет литературу разных форм и жанров, вылезает манерность, самокопирование, физиологизм изображения.

Творчество Фаворского гораздо скромнее, но в то же время — выразительнее. Его подход всегда гибче, умнее, интеллигентнее самовыражения. Его иллюстрации всегда в диалоге с текстом. И диалог всегда соответствует произведению. Какой художник сейчас способен на диалог с “Библией”?

Иллюстрации к “Книге Руфь” объективны, так как Фаворский абсолютно абстрагировался от частности своего суждения. Как он сам говорит: “Я понял эту историю как очень типичное и очень как бы мировое событие. Не частный случай, а типичный для всего как бы пространства”.

Эта задача сейчас почти невыполнима для художника книги — быть объективным, и это то, чему можно учиться у Фаворского».

Так размышляющий об искусстве книги и о древнейшем, но вечно молодом искусстве ксилографии дебютант — не часто встречающееся явление.

Рассмотрим альбом гравюр Г. Бабича «Десять книжных знаков, вырезанных на самшите» (М., 2010). Тираж альбома — 50 экземпляров, тексты, начиная с обложки, — на русском и английском языках. Уже визуально альбом смотрится прекрасно — его приятно взять в руки и еще приятнее внимательно знакомиться с помещенными в нем оригинальными книжными знаками, отпечатанными с авторских досок.

Дух новаторства отличает не только сами композиции экслибрисов дебютанта и ярко выражен-

Г.В. Бабич

ный самобытный стиль гравирования на дереве, но и написанные молодым художником оригинальные комментарии к каждому книжному знаку. Они позволяют совсем иначе осмыслить содержание замысла каждого экслибриса, узнать в чем автор видит свой промах, а что считает удачей.

Свои комментарии Григорий Бабич предваряет необычным вступлением: «Отвлеченное и натурное в моих гравюрах».

«В моих комментариях к собственным гравюрам вы то и дело будете обращать внимание на замечания вроде: “...рисовал не с натуры”, “...телефонное рисование”, “пытался изобразить его образ”. Но речь здесь идет не о том, что натурное рисование не важно. Наоборот, оно необходимо, как делать зарядку каждое утро. Необходимо для обеспечения организма художника жизненной силой. Не рисуя с натуры, я засохну, начну повторяться, стилизоваться.

И в то же время я сам могу быть источником изображения — отвлеченного, фантазийного и, казалось бы, бесконтрольного. Вот здесь и важен опыт натурального изображения — возможность аналитически осмыслить, выбрать из сотен картинок, рожденных твоею рукою, но как бы без твоего участия, нужную; отрисовать, поймать на лету и зафиксировать в материале.

На таком сочетании и стыке изобразительных подходов и были выполнены гравюры, вошедшие в этот альбом».

Мы намеренно включили в текст рецензии на первый альбом гравюр Г. Бабича его авторские комментарии, чтобы с ними познакомились начинающие художники, ибо в них есть рациональное зерно и полезные размышления совершенно правильно сориентированного в своем деле, успешно начавшего свой путь в искусстве графики талантливого человека, имеющего свой особый, персональный взгляд на творческий поиск в традиционном, но вечно молодом искусстве ксилографии.

К экслибрису, помещенному в самом начале альбома, Григорий Бабич дал такой комментарий:

«Этот книжный знак я хочу поставить в начале по нескольким причинам. Во-первых, его я действительно награвировал раньше всех здесь представленных. Во-вторых, это экслибрис человека, который познакомил меня с ксилографией. Владимир Корович подарил мне и эту дощечку, и первые резцы, и первые уроки гравюры. И что естественные трещины запросто komponуются в изображение, я впервые увидел в натюрмортах Коровича. Портрет его я рисовал не с натуры».

Как красноречив лаконизм этого высказывания ученика об учителе, и как прекрасно звучит фраза о природных трещинах на деревянной доске для гравирования. В ней ярко отражена влюбленность художника в ксилографию на всю жизнь.

Примечателен и комментарий ко второму экслибрису в альбоме Г. Бабича:

«Этот портрет тоже не натурный. Это важно, потому что изображал здесь именно образ и характер Джека Ван Пира, бельгийского коллекционера и одновременно шефа полиции.

Шрифт становится активнее».

Последние три слова свидетельствуют о том, какое большое значение художник придает творческому поиску в важнейшем компоненте художественного построения композиции каждого книжного знака.

На эту же тему размышляет он и в комментариях к последующему знаку:

«В экслибрисе П. Куроша шрифт становится портретом, а портрет — шрифтом. От полного слияния их разделяет то, что шрифт нарочито объемен, а портретные атрибуты: борода, глаза — плоскостные, как будто дорисованы сверху».

Эта мысль настолько необычна, что вынесена в заголовки данной статьи. Свое развитие она получает в последующем комментарии:

«Полный уход от изобразительности.

В экслибрисе искусствоведа А.Д. Сарабьянова я оставляю только шрифт и экспериментирую с отношениями черного и белого, как предметного и пространственного, объемного и плоского. Эти качества внутри надписи все время меняются местами.

Это опасная игра — она затягивает в ущерб читаемости».

Художник очень точно подметил, что внутри композиции экслибриса шрифты все время как бы меняются местами.

Это создает иллюзию их движения в заведомо статичном сюжете. Но нельзя согласиться с ним, что это опасная игра. Нам представляется, что это перспективные творческие поиски, которые непременно принесут свои плоды.

Разговор о шрифте продолжается и в пятом комментарии. Художник пишет:

«В основе экслибриса Н. Зубрилина лежит телефонный ри-

сунок, который я отрисовал 16 раз, прежде чем награвировать. Шрифт здесь держит плоскость, как ребро ступеньки».

В этой композиции Григорий Бабич впервые применил в шрифтовой части книжного знака двуязычный вариант владельческой надписи. Такое решение представляется весьма перспективным на фоне реалий сегодняшней жизни. Интересно и новаторское решение самой композиции, динамичной и очень подходящей к своему функциональному предназначению — украшать детективную литературу.

Теперь переходим ко второй части экслибрисов Г. Бабича — знакам сюжетного плана. Тем более что и сам художник их выделил в отдельную рубрику, поместив в альбоме своеобразную разделительную «пограничную линию» на черном фоне.

Комментарий Бабича к шестому знаку — автоэкслибрис — приобретает философское звучание:

«На меня сильное впечатление произвела статья В.А. Фаворского о том, как он иллюстрировал «Рассказы о животных» Л.Н. Толстого. Ему все подсовывали кролика, а заяц оказался гораздо серьезнее. Поэтому, чтобы свести вместе серьезного зайца и подсунутого кролика, мне понадобился конь, изменяющий масштаб зайца, чью важность также подчеркивает кольчуга, напоминающая одновременно пуховик и купальный костюм.

А удел кролика — быть орудием в чьих-то руках».

Финальная фраза художника мгновенно ставит все на свои места в этой самобытной и во многом загадочной композиции.

Особняком стоит в этом цикле экслибрис для жены художника Екатерины. Ничего подобного в жанре экслибриса еще не доводилось видеть. Чего стоит введение в композицию знака стихотворения У. Блейка «Смеющееся эхо»! Бабич так лихо и изобретательно это сделал, что обилие текста воспринимается как должное и как художественная необходимость, которая отлично работает на замысел автора.

Достигается этот эффект благодаря продуманной гарнитуре шрифта и размещению его на плоскости листа, а также благодаря великолепным декоративным элементам, уместно и гармонично расположенным в композиции. А тонко прочувствованная ритмика пробелов-пауз с правой и левой стороны знака делает всю композицию легкой, воздушной, поэтичной, при всей монументальности ее звучания.

Г. Бабич пишет:

«В этой гравюре фактурная разработка статичных вертикальных поверхностей движется исключительно по горизонтали. С одной стороны — это влияние идей В.А. Фаворского о направленности осей в композиции. С другой — это воспоминание о разлиновке в моей записной книжке, откуда произошла эта картинка».

Жаль, что автор экслибриса ограничился таким скудным комментарием к столь новаторской работе. Еще более лаконично Г. Бабич написал о своем восьмом книжном знаке:

«Экслибрис Феи Бабкина.

“Странно как — рука из тыквы растет”, — сказал Кортович, когда увидел эту гравюру.

Воздушный шар не взлетел — фактура оказалась слишком тяжелой и плоскостная».

Это явно недостаточный комментарий для экслибриса, который вызывает самые разнообразные мысли и ассоциации. Чего стоит одна миниатюрная книжечка, которую держат два огромных пальца: на нее обращает наше внимание господин в шляпе...

Девятый экслибрис в альбоме Г. Бабича «Из книг В.В. Симонова» запечатлел сцену из легендарной поэмы XII в. «Слово о полку Игореве». Это первое обращение художника к столь ответственной теме. Следует признать эту попытку вполне удачной и оригинальной по композиции

и эмоциональной напряженности. В комментарии к этому книжному знаку Г. Бабич обошелся одной лишь фразой: «А в гравюре для В. Симона фактуры, утверждающие плоскость, оказались на своем месте — объединили две фигуры в одну сложную и устойчиво закрепили знак на листе».

Здесь лаконизм автора знака понятен: он закрепил свое главное достижение в построении композиции — оно и привело к успешному завершению сложной творческой задачи.

И, наконец, последняя работа — экслибрис Сергея Закина. Это настоящая творческая удача художника, она дает все основания ждать новых побед и свершений дебютанта в полюбившемся ему жанре искусства экслибриса в так тонко и основательно им прочувствованной древнейшей технике ксилографии. Комментарий к этому экслибрису художник написал несколько неожиданный:

«Телефонный рисунок, первоисточник этой гравюры появился на лекции о Делакруа, когда М.Н. Прокофьева рассказывала о картине “Смерть Сарданапала”».

Далее я сделал несколько очень незавершенных эскизов и стал гравировать, и процесс этот был для меня приключением, импровизацией в материале, когда твой следующий штрих может подсказать само дерево».

Это просто замечательное признание художника. Именно дух вдохновенной импровизации и сообщил этой великолепной живой композиции необыкновенную монументальность звучания, невероятную свободу и раскованность каждого штриха, каждой линии. Только так и создаются настоящие произведения искусства.

В качестве иллюстраций мы не только воспроизводим экслибрисы Григория Бабича, вошедшие в рецензируемый «Альбом гравюр», но и впервые публикуем книжный знак молодого художника, выгравированный недавно. Это — отклик на 500-летие со дня рождения русского первопечатника Ивана Федорова.

Столь талантливая и необычная во всех отношениях работа внесла живую струю в большую подборку книжных знаков, посвященных великому просветителю и подвижнику русской культуры. Этот монументальный экслибрис ярко свидетельствует, что молодой художник добился успеха на избранном пути.

Мы приветствуем выпуск первого «Альбома гравюр» Григория Бабича еще и потому, что он явится хорошим примером для других молодых художников, которые еще только входят в увлекательный мир книги и книжного знака.

*Иллюстративный материал
предоставлен автором статьи*